Припоминаю такую вот романтическую историю, случившуюся со мной, когда я был еще совсем юн, но в то же время уже и повидал некоторые виды. Правда, я до сих пор сомневаюсь, стоило ли мне видать эти виды, потому что, похоже, пользы от них не было никакой, а один вред и пустая трата времени. Тем не менее я их повидал, и что было, то было.

Как-то у меня случился напряженный страстный роман с женой моего соседа на даче. Все мои помыслы были о ней, а ее помыслы – обо мне. А помыслы ее мужа, конечно, о нас.

* * *

Моя юношеская любовь к ней разгорелась необычайно, и я места себе не находил, когда мы не были рядом. Целыми днями я просиживал за деревянным столом в саду напротив ее дома в надежде, что она выйдет. Я сидел с книгой, но не мог с пониманием прочитать и строчки, потому что каждую секунду обращал свой взор на пролом в заборе, обрамленный сиренью, – за этим проломом открывался вид на ее террасу. Дом, в котором она жила, казался мне таинственным замком, она – принцессой, заточенной в нем, а ее муж, афганский ветеран, – драконом.

А надо сказать, что робок я был до того, что не смел показывать ей свою симпатию, не решался первый с ней заговорить и не то чтобы поцеловать, а даже за руку взять не мог. Видя эту мою робость, она как-то пригласила меня с братом на чай и в карты поиграть. Мы приняли приглашение, вымыли лица и зачесали волосы с водой так, чтобы они держались как надо, и явились к ней на террасу. Я бы еще добавил, что мы надели свою лучшую одежду, но если бы вы видели эту одежду, то умерли бы от смеха. Там был и ее муж. Он сидел и холодно смотрел на меня сквозь очки, холодно, потому что подозревал, что у нас с его женой что-то было. Признаюсь, ничего интимного у нас с ней очень долго не было – только чистые платонические отношения – со вздохами, стонами, томными взглядами, мечтаниями и замираниями сердец при виде друг друга и случайных прикосновениях.

Так вот, сели мы играть в карты и пить чай. Я же, играя, думал только о том, как мне показать ей, что я видный мужчина. Она сидела слева от меня, а муж напротив. И вдруг я вспомнил любимый мной в те времена роман Стендаля «Красное и черное» и методы, какими пользовался в обольщении Жюльен Сорель. Тогда, собравшись с духом, я взял ее за руку. Я протянул свою трясущуюся конечность под стол, нервно схватил ее за колено, а потом нашел уже кисть. Ее рука оказалась теплой и приветливой. Я никогда раньше не делал таких вещей, поэто-

му сердце мое билось так, что его стук, казалось, слышит весь поселок.

– Иван, – сказал ее муж, прямо глядя мне в глаза, – с тобой все порядке?

– Да, – ответил я хрипло и сорвался на писк, – да, все в полном порядке.

* * *

Он вызвал меня к себе и спросил прямо: «Иван, ты спишь с моей женой?» Это муж моей соседки на даче меня вызвал. То есть он пришел ко мне в сарай, где я коротал время за чтением «Книги перемен», сидя в полутьме за грязным столом, на котором, помимо книги, была банка с окурками, коричневый стакан с остатками чая и сахар в разбитой сахарнице. И еще было написано на этом столе: «Иван, 1917 год». Не знаю, как там появилась эта надпись, мы с братом часто гадали, каким образом и, главное, когда я успел побывать в прошлом, какие чудодейственные средства туда меня отправили. Причем наверняка в 1917-м этого стола еще не существовало! Так вот, сосед пришел ко мне в сарай и сказал, бряцая бутылкой водки: «Иван, пойдем ко мне на террасу, есть разговор!» Я молча встал и пошел за ним, предчувствуя грозу.

Когда он мне задал этот вопрос – про интимные отношения с его женой, я растерялся. Я не мог признаться ему, что вообще еще ни с кем не спал и об интимной стороне дела знаю только понаслышке. И даже не представляю толком, с какого края надо к этому делу подходить и как за него браться. Поэтому, сделав наглое лицо, я сказал: «Понимаешь ли, у меня в жизни уже столько любви было, что больше не хочется! Надоело!»

От удивления он поперхнулся и вытаращил на меня глаза. «Иван, не смею сомневаться в твоей правдивости, уверен, что все сказанное тобой – сияющая истина, но все же в твоем возрасте у меня, например, любви почти не было. Как же ты смог так ею назаниматься, что тебе прямо-таки надоело?!» «О! – ответил я, небрежно прикуривая. – Сейчас такие времена и нравы, что нет ничего проще. Щас все это запросто!» «Вот тебе деньги, – сказал тогда он, – быстро дуй в магазин и обратно, чтоб одна нога здесь, другая там».

Когда поздно вечером приехала его жена с работы, мы все еще сидели на террасе и вели беседу о любви – уже совсем пьяные. «Вот, – сказал он ей, указывая на меня, – перед тобой человек, который вообще не нуждается в интимных отношениях! Снимаю шляпу».

* * *

А в другой раз он решил меня застрелить. Теперь мне кажется, что это было так давно, как будто в прошлой жизни или, по крайней мере, тысячу лет назад, в самые темные Средние века. В самом деле, то, что окружало меня в ту пору, никак не походило на условия современной цивилизованной жизни. Разбитая ветрами, дождями и временем лачуга с развалившейся печью, которую топить следовало с осторожностью, потому что задняя кирпичная стенка легко могла отвалиться, а передняя вывалиться, была моим домом. Стекла в старинных оконных рамах с облупившейся белой краской местами отсутствовали, и вместо них торчали подушки в бурых разводах от слез, воды и чая, на столе месяцами валялись немытые ложки, чашки и стоял обгоревший желтый чайник, табуретки качались, как в шторм, а кровати, раз и навсегда застеленные, были жестки, точно надгробные плиты. А вокруг лачуги – заросли, заросли и снова заросли, густые, темные и сочные, джунгли хрена и гречихи, сосны, яблони, вишни и огромная береза, цветы и высокая трава. Бывало, встав с утра, я весь день просиживал за столом у окна, глядя на этот самый стол, или сад, или на небо изредка и попивая чай.

Так вот, однажды ночью пришел сосед, сел на косой табурет напротив меня, положил на стол пистолет, выпил водки и сообщил, что собирается меня прикончить.

* * *

Потом мы дрались с ним всю ночь. С мужем моей соседки. Он предложил мне выйти в сад для драки. Никто нам помешать не мог, все уже спали. Вообще весь поселок устал уже от нашего любовного треугольника, история этого адюльтера приелась людям, как скучная мелодрама. Это поначалу они смаковали происходящую у нас трагедию, сидя вечерами на верандах, а потом им надоело – так же как и американским телезрителям когда-то надоели регулярные трансляции экспедиций на Луну. Все рано или поздно надоедает.

– Пойдем выйдем, – сказал он мне, – решим наш спор в честном бою!

А у меня, надо сказать, никакого спора с ним не было, это у него был спор со мной, но делать было нечего, и я вышел. И вот началась у нас драка. Хотя дракой это назвать сложно, я был еще тот боец, так что это, скорее, походило на избиение детей. Но я держался до последнего. Мы мотались по всему

поселку, оба в синяках, ссадинах и царапинах (он тоже, потому что падал постоянно на камни и стекло), валились на заборы, убегали от собак, кричали о том, что оба ее любим. В итоге, к утру, мы стали лучшими друзьями.

* * *

Как-то поздно ночью на даче, когда сосед уже спал, мы стояли с его женой в саду и о чем-то беседовали. Я не помню, о чем мы говорили, возможно даже, что на самом деле мы молчали. Ночь была вроде бы теплой, и, может быть, пахло жасмином, который рос поблизости, а может, и нет, я не помню, цвел ли он тогда. Поначалу было так темно, что я различал только ее силуэт передо мной, хотя мы стояли совсем близко – нас разделяло сантиметров десять-двадцать. Потом стало светлее, и я уже мог видеть очертания ее лица. А часов в пять утра рассвело окончательно, и все приняло свой обычный белый вид. Я тогда подумал, что человек, который всю ночь стоит на улице, должен бы почернеть наутро, так же как, скажем, если сильно облиться кофе, то будешь коричневый. Или если долго стоять под снегом, то побелеешь. Но мы не ради этого стояли, не ради эксперимента – мы стояли потому, что я собирался ее поцеловать, но никак не мог на это решиться. Она знала, что я собираюсь ее поцеловать, и ждала, когда я это сделаю. Она прождала всю ночь, но так и не дождалась. А в пять утра вышел ее муж с очень злым лицом и спросил: «Иван, мне что, танк надо вызывать, чтобы убрать тебя отсюда?»

* * *

Иногда наша дружба с мужем моей соседки принимала странные обороты. Хотя не уверен, что это подходящее слово для наших отношений – «роман». Скорее, это была песня. Или даже пьеса. Ну, не важно. Так вот, как правило, все было вполне заурядно – мы пили чай, играли в карты, беседовали о литературе и кинематографе, совершали променады на пляж и тому подобное. Часто мы вечерами сидели все вместе на веранде допоздна: он, она и мы с братом. В общем, все было прилично. Но не всегда. Например, он мог вдруг явиться на рассвете и начать стучать в дверь. Мы с братом просыпались, смотрели в розовеющие окна, и брат спрашивал: «Что такое? Кого принесло в это недоброе утро?» «Не знаю, мсье, – предполагал я, – может молочница?» «…чница, – отвечал он, – где мой топор?» И тут мы слышали голос соседа: «Пацаны, открывайте, это я». Заспанные, мы открывали дверь, и он входил вместе с утренней свежестью, очки запотели, сапоги в росе, а от шинели – суровый запах табака. В одной руке – банка огурцов, в другой – бутылка водки. Мой брат пытался протестовать, вроде пять утра еще, может, не стоит, но сосед был таков, что с ним не поспоришь.

Сами понимаете, что раз день так начинался, то окончиться по-хорошему он уже не мог. И правда, далее следовало черт знает что. Поездки в магазины, пляж, поиски денег, ссоры, попытки самоубийства, потери. Так, припоминаю странный эпизод – на закате дня я качу вдоль реки на велосипеде. Я в одних плавках, одежда неизвестно где. Мой сосед сидит сзади на багажнике с большой вяленой рыбой в руках. Он периодически падает. Приходится все время останавливаться, чтобы он сел обратно. В итоге я все же недоглядел – сначала мы потеряли рыбу, а потом я потерял его.

* * *

А как же мы познакомились? С чего началась эта долгая платоническая история с прозаическим концом? Наверное, подумаете вы, моему знакомству с соседкой предшествовали робкие взгляды, случайные встречи на дороге, невольные прикосновения, вызывающие дрожь, романтические послания и томительные мечты со стонами и вздохами? Бессонные ночи, мятые простыни и все такое? Нет. Дело было, если не изменяет мне память, кажется, так.

Мы с братом сидели на недостроенной его отцом бане и пили пиво. Почему не за столом, а на бане? – спросите вы. Потому что, – отвечу я, – с бани открывался чудесный вид на соседние сады с их старинными домами, деревьями, травами и цветами. Это как в засаде или как в джунглях – справа на крышу залезала густая крона яблони, позади, кажется, вишня. А слева был забор, за которым жили наши соседи. В тот день они сидели за столом на улице и тоже пили пиво. В какой-то момент между нами завязался разговор, и сосед предложил нам присоединиться к их столу. Мы приняли приглашение. И вот в вечер того же дня возникла между мной и соседкой какая-то ниточка, которая потом превратилась в толстый канат. Помню, мы долго сидели, болтали, смотрели на темнеющее небо, на котором медленно распускались звезды. Отчетливо помню, что об этих звездах у нас состоялся обстоятельный разговор, но вот что именно мы говорили – не помню. Еще помню самовар, зелень сада

на фоне, серые сухие доски стола, ощущение начала романтического приключения и блестящие очки соседа. Ну и, конечно, волнующую близость соседки, которая сидела рядом и жадно внимала мне, как будто с моих уст слетали чудесные псалмы. Но нет, язык у меня во рту едва ворочался, и я рассказывал ей что-то о моем брате и в конце концов заплакал.

* * *

Вообще мы были интеллигентными детьми, с развитыми представлениями о должном, правильном и прекрасном. Мы были воспитаны на классической литературе, на лучших образцах изысканного вкуса и утонченных манер. Поэтому мы не могли, например, купаться без плавок. На пляже, куда мы ходили, будь то Плотина, Собачий или Золотой, мы стеснялись переодеваться в открытую и наматывали полотенца на свои тощие бедра, чтобы надеть плавки перед купанием или чтобы снять их после купания. При этом мы очень волновались, что нас кто-то увидит обнаженными!

Так вот, как-то мы шли купаться с нашим дядей. Он, конечно, уже выпил, иначе он ни за что не пошел бы с нами купаться. В то время он был уже далеко не молод, с большой лысиной и седой займой, которой он эту лысину прикрывал. Мы пришли, кажется, на Плотину. Там было полно народу, потому что стоял солнечный жаркий день. Люди купались, загорали, бегали по берегу, играли в бадминтон или карты. И вдруг наш дядя снял штаны, а трусов у него никогда не было, и голый с криком побежал к воде. Не знаю, зачем он кричал, то ли чтобы показать свою удаль, то ли ради удовольствия, то ли чтобы привлечь внимание окружающих. Последнее ему удалось, все, конечно, стали смотреть на него. Он прыгнул воду, продолжая кричать что-то типа: «Эх! Хорошо!» и «Чего стоите, пацаны! Айда!»

Нам, конечно, неловко было после этого заматываться в свои полотенца.

* * *

Как-то дядя поджарил вкусные шкварки. Не могу сказать, что я любитель таких блюд, но в этот раз мне понравилось. Так я ему и сказал:

– Дядя, офигительные шкварки.

Он засмеялся, вспомнив какую-то веселую историю, и ответил:

– А знаешь, что мы, музыканты-духовики, называли шкваркой, когда были студентами?

По его лицу видно было, что сейчас он намерен рассказать что-то ну очень смешное.

– Нет, не знаю.

– Валторну! – хохоча, заявил он.

Я даже не улыбнулся. Он понял, что шутка осталась непонятой, и с раздражением пустился в длинные объяснения, что такое валторна, что у валторны самый божественный звук и какова партитура духового оркестра. Этот рассказ – про партитуру – я слышал десятки раз с самого детства, но так и не смог ее запомнить. Хотя он меня и предупреждал: «Ваня, всякий интеллигентный человек обязан знать партитуру духового оркестра!»

* * *

Был и случай измены – первый в истории моих романтических отношений. Однажды случилось так, что муж моей соседки уехал и должен был остаться в городе на ночь. В этой связи она ждала меня вечером в гости. Но не для того, чтобы слиться в порыве бешеной страсти в супружеской постели, пока хозяина нет, совсем не для этого – потому что мы были слишком благовоспитанные. Нет, мы собирались провести время в общении, за чаем, наслаждаясь тем, что мы просто вдвоем, без посторонних. А получилось так, что еще днем другой мой сосед, какой-то бизнесмен, торгующий совестью, пригласил меня в гости по случаю торжества. К нему приехала подруга с вполне взрослой дочерью, и вот они намеревались отмечать вроде день рождения. Я принял приглашение и явился, даже не занявшись туалетом – то есть не побрившись, не причесавшись, не умыв лица и не сменив одежду. Правда, если бы я сменил одежду, то было бы еще хуже, потому что я и так всегда ходил в лучшем, что у меня было. И спал часто в нем же. Но это к делу не относится.

Итак, мы сидели за столом в саду, выпивали, ели и болтали о том о сем. За празднованием я и не заметил, как стемнело, а мысли о соседке закатились куда-то за горизонт вместе с солнцем. В какой-то момент бизнесмен предложил мне с девушкой прогуляться и добавил, что сам он тем временем покажет ее маме кое-что в доме. Я сразу сообразил, что он собирается показать ей в доме. И тогда же я понял, зачем он меня пригласил – чтобы дочери его подруги скучно не было, пока он что-то ей показывает. Я согласился и повел девушку на пляж по темным дорогам, рощам и оврагам. Мы шли в темноте, держась за руки, и мне все казалось, что кто-то смотрит с упреком мне в спину – уж не знаю, кто это был, может, паранойя, а может, моя совесть или

просто полная луна. Больше ничего между нами не было. Когда мы с ней расстались и разошлись по своим домам, я вдруг вспомнил о соседке. Свет еще горел у нее на веранде, и я понял, что она не спит. Недолго думая, я перелез через забор и увидел, что она сидит за столом и механически раскладывает пасьянс. «Привет, – сказал я с нарочитой наглой улыбкой, заходя в дом, – сигареты есть?» Она посмотрела на меня прохладно и ответила: «Вань, иди спать».

* * *

И кое-что еще припомнил я из нашего знакомства. Когда мы сидели все вместе за столом в саду, беседовали, пили французское вино, вроде как бордо, марку точно не помню, возможно – «Шато Ля Гроле» или «Шапель де Потансак», и закусывали, кажется, фуа-гра и мягкими сырами из Оверни, нас с братом вдруг потянуло на пение. Вы, наверное, сейчас уже думаете: «Иван, хватит врать, какие вина и сыры, вы там пиво пили или какой-нибудь дешевый портвейн, а закусывали сигаретным дымом». Да, так и было, извините, никаких вин мы не пили и ничем хорошим не закусывали, но и не важно, это не мешало нам чувствовать себя так, как будто мы сидим в уютном ресторане где-нибудь на набережной Ла-Рошеля, вокруг вьются официанты и прекрасные женщины бросают на нас томные взгляды.

Так вот, в какой-то момент нам с братом захотелось петь. И мы взяли и запели. Соседа, конечно, передернуло от нашего пения, он закатил глаза и скривил губы. А к тому времени весь поселок уже тошнило от нашего пения, потому что пели мы и днем, и ночью, и это притом, что у меня нет ни слуха, ни голоса. «О, опять!» – стонали жители поселка и закрывали ставни даже в жару, потому что пели мы не просто песенку или две, нет! – наш репертуар состоял из пары десятков песен. Мы не стеснялись никакой обстановки, в любой ситуации и в любом месте, в лесу ли, в транспорте, в кафе или магазине мы могли взять и запеть. Сейчас я ни за что не запел бы, мне становится неловко от одной мысли, что я могу запеть. А тогда нам это нравилось. И вот, сидя ночью за столом, мы запели. И что удивительно, соседка наклонилась к моему уху и прошептала нежно, касаясь меня теплыми губами: «Мне очень нравится, как вы поете! У тебя очень красивый голос!» Я обрадовался, польщенный, и запел еще громче – так, что сосед совсем помрачнел.

* * *

Правда, помимо уже рассказанной версии событий, есть у меня еще одна. Это касается нашего знакомства с соседкой. Странно, но у меня в памяти сохранились две истории о том, как мы познакомились. Одна – как она пригласила нас в гости, когда мы сидели с братом на бане и пили пиво, другая – как она сама пришла к нам, когда мы с братом пили чай у себя в саду. И видимо, этот вот, второй случай, был раньше.

Помню, стоял летний вечер. Солнце уже почти зашло, и сад окрасился глубокой синевой, укромные участки в кустах и траве утонули в тенях, поселок замер в тишине. Мы сидели за столом, пили чай из старинного самовара, на нас веяло сиренью и сыпалась всякая труха с березы и сосен. Хотя, возможно, было и не так уж поздно, может быть, еще только начинало вечереть, и с соседних участков доносились звуки жизни, а сирень давно уже отцвела. Как бы то ни было, мы с братом сидели за столом под березой и пили чай из самовара. Я был в ужасно идиотской зеленой махровой беретке. То есть если бы я сейчас кого увидел в такой беретке, то расхохотался бы. А тогда мне, видимо, казалось, что это очень классно и я прекрасен.

И вдруг из-за забора соседка спросила нас: «Ребята, можно к вам, чаем угостите?» Что-то такое она сказала, точно не помню. Мы, конечно, согласились и стали пить чай втроем. И вот с этого-то все и началось.

* * *

Я сейчас скажу полную банальность, но, тем не менее, мне кажется, надо уметь смеяться над собой, смотреть на себя со стороны (желательно с отдаленной перспективы – откуда-нибудь с горы, а еще лучше из космоса, так чтобы выглядеть поменьше на фоне большой Вселенной) и иногда подвергать сомнению собственную значимость. Некоторые на это скажут мне: «Иван, сообщил новость, а мы не знали!» Я понимаю, конечно, что знали, об этом говорят на разные лады уже тысячи лет, от Будды до Ницще (да и раньше, и позже тоже говорили), – увидь себя со стороны, осознай иллюзорность своих повседневных забот, их подлинное значение и происхождение, а может, и иллюзорность своего «я». Мне даже кажется, такое осознание является основанием для достоинства и душевного равновесия.

Помню, например, как-то сидели мы с братом у соседей на даче и играли в карты. Я был в той самой дурацкой махровой беретке, благодаря которой, как

Интересно, что между мной и братом была некая мистическая связь. Что случалось с ним, то случалось и со мной, причем почти в одно и то же время.

мне казалось, я обольстил жену соседа. За окном смеркалось, веранда освещалась неярким золотистым светом бра, так что в одном из стекол (справа от меня) я мог видеть свое отражение на фоне темных буро-зеленых зарослей в саду. И чем сильнее смеркалось, тем четче вырисовывалось мое отражение. Мы играли, а я все поглядывал в окошко и думал – какой же я красивый и как мне идет эта зеленая беретка, должно быть, соседка смотрит на меня и млеет! А она и правда смотрела на меня частенько и улыбалась. Я же, чтобы усугубить свое великолепие, старался сделать особое выражение лица, присущее красавцу и романтическому герою. Наконец она не выдержала и сказала: «Вань, ну зачем ты делаешь такое дебильное лицо?» Я очень обиделся.

* * *

Вообще, я, конечно, понимал, что молодой человек должен добиваться расположения девушки долго и мучительно. Он должен месяцами стоять на коленях под ее окнами – каждую ночь, в дождь и слякоть, в град и снег, в любую непогоду и ненастье, – и петь романтические серенады. В надежде на то, что когда-нибудь она, наконец, выйдет в лунную ночь на балкон и взглянет на него, тощего и бледного от любви, и соблаговолит кивнуть ему едва заметно, ну или хотя бы смахнет с подоконника в его сторону лепесток розы. Тогда юноша должен, захлебываясь слезами счастья, схватить этот лепесток и жадно целовать его, прижимая к лицу и вдыхая его аромат, как самый восхитительный на свете и несущий частичку возлюбленной. И рано или поздно (скорее, поздно) она, тронутая его преданностью, соизволит спуститься к нему побеседовать о погоде и, может быть (но вряд ли), согласится прокатиться с ним на лошадях куда-нибудь недалеко. А то, что мы наблюдаем в наше время, – это просто не пойми что такое.

* * *

А как-то мы с ним были на церковной службе и слушали песнопения. Рядом стояла рыжая девушка, с волосами, похожими на пылающий огонь, с фигурой Венеры и взглядом искусительницы. Вообще она была моей ровесницей, может, на год старше, но мне она казалась взрослой и демонически опытной, знающей нечто такое, о чем я только смутно, с внутренним трепетом, пробирающим меня в груди и животе, мог догадываться. Она испытывала какие-то чувства к моему брату и смотрела на него загадочным, манящим, многообещающим взглядом. Если бы она смотрела так на меня, я бы сдал все бастионы, я бы отринул веру и непорочность и пошел бы за ней куда угодно. Но брат мой в ту пору был непоколебим, он пел в хоре, читал молитвы и твердо избегал греховных желаний. И вот, то слушая песнопения, то глядя на рыжеволосую девушку, я пришел в такое сложное состояние, что потерял сознание, и повалился на хоругви, и увлек за собой подсвечник, и растянулся без памяти на полу.

* * *

Интересно, что между мной и братом была некая мистическая связь. Что случалось с ним, то случалось и со мной, причем почти в одно и то же время. Если с кем-нибудь из нас происходила неприятность, то нечто похожее следовало ожидать и другому. Например, когда я, упав с велосипеда, разбил свое лицо, то аналогичная история приключилась и с братом, и в тот же день. Пока я валялся на шоссе, мой брат, намеренный покорить сердце одной бессердечной девушки, а может, и не бессердечной, а просто каменной, или не каменной, но весьма прагматичной, совершал прыжок с плотины в бушующий водопад. На самом деле, конечно, это был никакой не водопад, а грязная, еле текущая речка, но высота плотины сама по себе заслуживала уважения. И вот, желая произвести на избранницу неизгладимое впечатление, он взял да и прыгнул головой вниз с этой плотины. А поскольку река совсем обмельчала, то он воткнулся головой в песок, где было много битого бутылочного стекла. К сожалению, она не оценила его подвиг, между тем достойный Роланда Ариосто. Впрочем, Анджелика тоже не ценила Роланда.

* * *

Однажды давным-давно, когда я был еще очень юным и в моей голове не было ни одной здравой мысли, только женщины, карты, табак и пьянки, случился сильный град. Было мне тогда лет тринадцать-четырнадцать. Хотя не могу сказать, что с тех далеких пор в моей голове прибавилось здравых мыслей. Возможно, их даже убавилось. Во всяком случае, курить я бросил. Так вот, случился сильный град – такой невиданной мощи, что нам с братом казалось, будто с неба сыплются камни величиной с кулак и более. Мы были где-то в пути и спрятались под надежным укрытием. О боже, – думали мы, – если бы мы сейчас не нашли укрытия, нам пришел бы конец! Нас бы поубивало этими градинами! А градины падали и падали, бились о землю, покрывали ее толстыми кусками льда. Мы в то время были людьми, близкими к вере, ходили в церковь, а мой брат даже (в свободное от пьянок, женщин и карт время), как я уже говорил, пел в церковном хоре. И мы подумали, что не иначе как божья кара обрушилась на поселок за наши грехи – ведь нашими стараниями он превратился в гнездо разврата, Содом и Гоморру, грязный вертеп, юдоль скорби для всех праведников. Когда град прошел, мы, понурив головы, направились домой. Мы ожидали увидеть, когда придем, страшные разрушения – дырявую крышу, разбитые стекла, поломанные деревья и цветы в саду, убитых наповал кошек. Но, к нашему удивлению, никаких разрушений град не произвел, как будто бы стороной обошел наш сад! Мы тогда воскликнули осанну и вернулись к своим старым грехам.

* * *

Наш дом в считаные минуты был охвачен огнем и сгорел дотла. Мой брат с полутораметровым топором бегал по саду и рубил зачем-то заборы, и вид у него был такой безумный, что никто не хотел стоять у него на пути. Ветви на соснах с треском вспыхивали, искры, кружась, летели в разные стороны, как фейерверки, дома, люди и заросли вокруг побагровели. Мне казалось, что горит весь мой мир – это была гибель Помпей. Я стоял в сторонке вместе с соседкой, мы держались за руки и молча смотрели на все это, пламя горячило наши лица, а мимо метался брат. Привычный сад ужасно изменился – стал красным, пепельным и грязным. Стерлись все следы, все отметины, все знаки, с помощью которых мы были привязаны к этому месту, в одно мгновение оно стало чужим, точно какая-нибудь пустыня на Марсе. И странно, но оказалось, что наши отношения тоже были привязаны к месту, они закреплялась и подтверждалась пространством, в котором происходили, и вместе с его гибелью погибли сами. Во всяком случае, так я тогда думал.

* * *

Однажды, когда я сидел в сарае, уцелевшем после пожара, пил чай и читал книгу, вроде Новалиса, ко мне неожиданно заявились сосед с женой. Он был подозрительно чисто выбрит и прилично одет, она же имела какое-то непривычно отстраненное выражение лица, так что я сразу заподозрил неладное.

– Иван, – сказал он, присев на стул напротив меня, – мы хотим с тобой поговорить по душам.

Это «по душам» он произнес с большой долей иронии.

Я закрыл книгу и приготовился, готовый к тому, что дальше и случилось:

– Мы поняли, что ты негодяй и подлец. И больше не будем с тобой общаться. Пока! – Это уже сказала она.

В общем, конечно, разговор был более подробный, состоялась даже дискуссия на тему того, что считать непорядочностью, и я попытался доказать им, что черное – это белое, а белое – это черное, используя софистические приемы. Они мне не поверили и ушли.

Что же, – подумал тогда я, отбросив книгу на кровать, – прошла любовь. Она была со мной как никогда холодна, да и я вдруг с удивлением обнаружил, что не особо огорчился. Странным образом во время пожара, который накануне изувечил наш сад, как будто выгорели и наши с ней отношения. Я собрал вещички (то есть взял с кровати книгу Новалиса) и уехал в Москву.

* * *

Некоторое время я прожил в городе и совершенно позабыл про свою любовь. Вернее, я не то чтобы совсем позабыл о ней, но она стала казаться мне чем-то давним, туманным и зыбким, как будто уже не имеющим ко мне прямого отношения. Я вспоминал о ней с легкой ностальгией, как о чем-то из прошлой жизни.

Спустя несколько недель я вновь приехал на дачу. Моего брата в саду не было, вероятно, он пошел волочиться за девушкой с огромной косой. Я вот написал – «девушка с огромной косой», и подумал, что это походит на смерть. В каком-то смысле так

и было, мы за ней, конечно, тоже волочились, но я сейчас о другой – девушка была человеком, и коса была из волос.

Я пошел на «площадку» – так называлось место, где рос огромный дуб и где жила эта девушка с косой. По пути я должен был миновать дом родителей моей соседки. Я шел по старой земляной дороге в густой тени деревьев и кустарников и мысленно напевал, думая о том, что мы сейчас вот встретимся с братом и устроим нечто такое, что все будут в шоке. И вдруг отворилась калитка, ведущая в сад родителей моей соседки, и на дорогу вышла она сама. Она подбежала ко мне, вся такая воздушная и прекрасная, мне даже показалось, что она богиня и от нее веет всеми цветениями весны, и сказала взволнованно:

– Я сидела с мамой и внезапно почувствовала, что ты идешь мимо!

* * *

Мне всегда казалось, хотя многим это покажется бредом и мистикой, что влюбленные люди чувствуют друг друга на расстоянии. Это что-то вроде квантово-механической запутанности, когда изменение одной частицы мгновенно отражается на другой.

Как-то мы с ней отправились на променад. До этого мы не гуляли и вообще наедине почти не оставались. Поэтому я находился в очень большом напряжении, мне казалось, я сейчас взорвусь или произойдет самовозгорание. Я решительно не знал, что нужно делать с девушкой на прогулке.

И вот мы идем, я весь такой наэлектризованный и зажатый, как на ходулях, она рядом, молчит, смотрит по сторонам. Ждет, наверное, что я скажу что-то. А я сказать ничего не могу. И вдруг слышу:

– Эх, Ваня, зря мы все это с тобой затеяли!
– Почему зря? – говорю.
– Ты о чем? – спрашивает она.
– Ну ты сказала сейчас: «Эх, Ваня, зря мы все это с тобой затеяли!»
– Я этого не говорила! – возразила она. – Я это только подумала!

* * *

Одно время в нашу речь прочно вошло такое слово: «сермяга». Не помню, в какой именно связи, но оно очень прижилось, так что стало как бы постоянным междометием. О чем бы мы с братьями ни говорили, обязательно упоминали сермягу, но обсуждали ее не саму по себе, потому что мы никогда не знали, что это такое, а в связи с чем-либо, как пояснение к чему-то, как выражение отношения или свойства. Например, выказывая одобрение, я мог сказать: «Да, это сермяжно!» Или «в этом есть что-то сермяжное!» Или даже так: «Без доли сермяги здесь не обошлось!» И так прицепилось ко мне это понятие, что я использовал его почти в каждом предложении и по любому поводу. Соседку это раздражало. Допустим, она хотела со мной обсудить будущее наших романтических отношений (девушкам всегда интересно это будущее) и спрашивала меня: «Вань, ну а дальше-то что? Как ты думаешь?» А я качал головой, смотрел в пол и, скривив губы, произносил уклончиво: «Да, есть в твоих словах доля сермяги!» «Блин, Ваня, – злилась она, – какой сермяги? Что это за гадость такая – сермяга? При чем здесь сермяга?» А я не отступал: «Ну как при чем, сермяжные вещи ты говоришь!»

* * *

Мне всегда казалось, что соседка должна первая предпринимать какие-то шаги для развития наших отношений. Что она должна приходить, что-то предлагать, в общем, проявлять инициативу. Наверное, мне так казалось, потому что она была старше и замужем. А может, и не поэтому. Короче говоря, я не мог себе и представить, чтобы я сам что-то ей предложил, но всегда старался сделать так, чтобы быть увиденным или услышанным, то есть пытался ее спровоцировать на действие.

Не решаясь сделать первый шаг, я мог неделями сидеть у забора и ждать, что она, наконец, обратит на меня внимание, придет, заговорит, пригласит в гости. Она же, видя мое напряженное показное равнодушие, думала, что я больше не хочу с ней общаться, и, естественно, не приходила. И вот я сидел на деревянной скамье и ждал, час за часом, день за днем, и все больше и больше расстраивался. В какой-то момент я почувствовал, что скоро сойду с ума, если не разрешу этот внутренний конфликт. Вроде бы что могло быть проще – взять и пойти к ним в гости, заговорить о чем-то, что-нибудь предложить, сыграть в карты, попить там чаю…

Но мне все это представлялось невероятным, немыслимо сложным, невозможным. «Как, – думал я, – как я могу к ним прийти? Что я им скажу? Это исключено!» Короче, мне это казалось какой-то неслыханной дерзостью. И я трусливо продолжал сидеть на скамье в саду, сливаясь потихоньку с растениями. Но в конце концов мое напряжение

достигло кризисной отметки, и я понял, что у меня нет другого выбора – я должен сам пойти к ним или попасть в сумасшедший дом. Стиснув зубы, дрожа от волнения, я вскочил на забор и увидел у ступенек веранды ее мужа, задумчиво курящего папиросу. Он странно на меня посмотрел, наверное, испуганный моим лихорадочным состоянием. «Тебе чего, Иван?» – сказал он тихо и умиротворяюще, как, наверное, разговаривают с помешанными. «Выпьем?» – возбужденно предложил я. Он согласился и предложил мне зайти. С тех пор я снова стал частым гостем в их доме, и все пошло как прежде.

* * *

Как-то я решил оказать ей знак внимания: подарить цветы, но не просто так взять и банально подарить, а сделать это с романтической интригой. Потому что всем известно – девушки любят романтический ореол в отношениях, без этого они вянут. Для осуществления своей затеи я попросил помощи у брата. Мы дождались темной глухой ночи, когда не было на небе луны и звезд, только блеклые серые тучи, и плотный туман обволакивал свет фонарей, не давая им толком светить. Хотя, как я давно заметил, как раз в ясную лунную и звездную ночь наибольшая тьма и меньше всего видно, а вот в облачную ночь, наоборот, можно хоть что-то разглядеть. И вот после полуночи мы полезли сквозь пролом в заборе через персидскую сирень, цветущую черным во мраке, в сад моей возлюбленной. Ветки сирени лезли в глаза и царапались, ржавые гвозди в заборе впивались, точно когти. Где-то невдалеке выли собаки по-волчьи, по примете предвещая кому-то смерть. Не дыша, едва ступая, мы приблизились к их дому. В руке я нес розу.

Стараясь не шуметь, мы вытащили стекло из окна веранды и залезли внутрь. Там я поставил розу в вазу, стоящую на столе. Рядом с вазой лежала колода карт, и я зачем-то взял из нее то ли тройку, то ли семерку, то ли туза, не помню, а может, просто карту наугад, какую-нибудь даму пик. Затем мы вылезли обратно и беззвучно вставили стекло на место. Вдруг нам послышался шум из дома, и мы поняли, что нужно бежать. Мы рванули по выложенной плитами дорожке к забору. Дорожка оказалась скользкой – видимо, из-за конденсата, и я поскользнулся и упал на нее грудью. Мне было очень-очень больно, поэтому я жестко выругался вслух, но встал и побежал дальше, превозмогая боль, едва не плача и мысленно матерясь. «Кто там?» – раздался сонный встревоженный голос позади, но мы, естественно, не стали останавливаться и отвечать.

* * *

Как сильно различалось планируемое и действительное!

То есть, садясь в электричку в Подмосковье, я думал: сейчас я приеду весь такой высокий и красивый, умный и талантливый, ловкий и уверенный в себе, и она потеряет дар речи просто от восхищения и любви ко мне.

Стоя в тамбуре и глядя в окна раздвижных дверей на летящий мимо зеленый пейзаж, я воображал нашу встречу. Как на тенистой улице, под сенью старых яблонь, в цвету сирени, у выцветшего деревянного забора, стоит она. Она выбежала потому, что почувствовала мой приезд! Она в простом, легком, как ветер, дачном платье, и сама вся такая дачная, летняя, солнечная!

А издали иду я. Не спеша, глядя по сторонам небрежно, но чем ближе к ней, тем чаще выглядываю на нее и улыбаюсь широко и спокойно. Но и меня охватывает странное волнение, какая-то смесь восторга, счастья и полета – наверное, это и есть то, что называется любовью…

На деле же, едва заметив ее в отдалении, я превращаюсь как будто в калеку. Я становлюсь неловким, угловатым, почему-то начинаю заваливаться то вправо, то влево, коленки задевают другу друга и руки мешаются, и я не знаю, куда их деть.

Подходя ближе, я уже совсем трясусь.

– Привет, Вань! – говорит она радостно.
– Пррпр… – слабо хриплю я в ответ, теряя голос на половине слова.
– Все хорошо? А чего это у тебя в волосах? Сопля, что ли?

* * *

Однажды мы условились встретиться у поля, на перекрестке, недалеко от наших дач.

Я пришел раньше и ждал ее, как и полагается джентльмену. Меня всего трясло и лихорадило, и я мечтал о том, чтобы она не пришла. Я пытался взять себя в руки, но руки не слушались меня, как будто были не мои, и ноги тоже.

– Иван, – говорил я себе, – да что такого! Эка невидаль – свидание! Сколько ты читал об этом в книгах и сколько видел в кино! Так будь же Дон Жуаном, будь мужчиной!

И я попытался придать себе безразличное мужественное выражение. Но тут краем глаза заметил ее – тонкий и далекий силуэт на дороге – и сразу покрылся холодным потом, и застучали зубы,

и сердце забилось черт знает как. Я надеялся, что она свернет куда-нибудь или что все же это не она, но нет, это была она, и она приближалась.

И вот подошла она наконец и спросила:

– Вань, все в порядке? Чего у тебя вид какой-то щенячий?

Я же от напряжения завис, и начал перезагружаться, и стоял молча и смотрел на нее, пытаясь что-то произнести. Сказать я хотел «привет», но забыл, как это говорится, и в конце концов промямлил, сам не понимая, что говорю:

– Счастливого пути!

* * *

Нечто похожее случалось со мной и раньше. Однажды мне очень понравилась девочка, живущая по соседству на даче. Она жила не совсем рядом, до ее дома надо было дойти по тенистым улицам, по земляным дорогам, вдоль старых заборов, увешанных сиренью, яблонями, боярышником, ежевикой и еще черт знает чем. В том месте, где она жила, на просеке возвышался огромный старый дуб, а вокруг росли высокие густые колючие кустарники, на границе которых стояли качели. И вот я приходил и сидел на этих качелях, болтался на них и томился, маялся, в общем, ждал, ждал, когда появится она со своей хитрой улыбкой, прекрасными глазами с поволокой, роскошной толстой косой и на удивление волосатыми руками. Вероятно, я даже прохаживался вдоль забора и покашливал громко, чтобы она меня заметила. И вот она замечала и, взяв велосипед, выходила на просеку. Взмахнув толстой косой, она, как будто не глядя на меня, ловко седлала железного коня и уезжала прочь. А я, горемыка несчастный, робкий идиот, застенчивый дурак, плелся обратно на качели и сидел там, не решаясь ехать за ней, хотя и понимал, что она вышла не случайно. Просидев полчаса, я в отвратительнейшем настроении шел домой. И надо же, выйдя с просеки на дорогу, я видел невдалеке на повороте ее, терпеливо ждущую и смотрящую в мою сторону.

* * *

При всем том я был очень надменный. Я смотрел на многих свысока и отказывал им в уважении на том основании, что у них, по моему мнению, слабый интеллект. Сейчас я уже переосмыслил свои позиции по этому вопросу и понял, что развитый интеллект – это, конечно, что-то хорошее, но совсем не редкое и далеко не главное.

В этой связи вспоминаю такой случай. Сидел я как-то в сарае, читал книгу, пил чай. Не помню, что за книга была, помню только, что она все время неприятно прилипала к столу. И руки тоже прилипали – ведь когда читаешь за столом, удобно локти положить на столешницу. А столешница была вся залита вином, сладким чаем, посыпана сахаром, в общем, к ней хорошо все липло. И вот я сидел, почесывал давнюю щетину, курил и злился на липкий стол. За окном же бушевало лето, зной заливал сад, но, несмотря на жару, зелень росла густо, как в джунглях: высокая трава, пышные кустарники, заросли хрена, частые плодовые и лесные деревья. Тихо было, только жужжали и стрекотали насекомые в полном безветрии, все замерло и время тоже как будто замедлило свой ход. Казалось, живая природа за окном звала меня из сарая, прочь от липкого стола с книгой, но я не шел, потому что не знал, что мне делать с ней, с этой природой. О, если бы я только знал, я бы, конечно, бросил все и ушел!

И вдруг ко мне в сарай зашла соседка. Она была в отличном настроении (что мне не понравилось, так как я считал, что она должна страдать из-за нашей любви). «Привет, Вань, – сказала она весело, – ну что ты здесь сидишь, как паук в темном углу, смотри, как здорово на улице, иди гулять! Сколько можно всякой фигней заниматься!» Я посмотрел на нее снизу вверх, отодрал локти от стола и ответил: «А я вижу, ты поумнела!»

* * *

Должен признаться, что и я претендовал на девочку с волосатыми руками, но уступил ее моему брату по итогам честной схватки. Дело было так. Мы частенько, каждый день (а иногда и по два-три-четыре раза в день), наведывались на площадку, сидели на качелях и громко хохотали, чтобы привлечь ее внимание. Рано или поздно она, наслушавшись нашего смеха, выходила. Или же, если смех не действовал, мой брат шел к ее забору и кричал: «Выходи!» – а я поражался его смелости, потому что сам был слишком робок для такого поступка.

И вот как-то раз она вышла с бадминтоном. С длинной косой, игривой улыбкой и ямочками на щеках. И так нам нравилась эта ее коса, улыбка и ямочки, что волосатые руки делались незаметными. Хотя между собой, сидя вечером в саду за чаем, мы говорили, конечно: «Ты видел, какая у нее шерсть?» И показывали пальцами длину этой воображаемой шерсти: «Во!» Итак, поскольку игра на двоих, а нас было трое, мы с братом решили сразиться в бадмин-

тон первыми, а победитель получал право играть с ней. Началась схватка, и, хотя я играл, в общем, неплохо, от волнения вдруг растерял все свои навыки. И проиграл брату с большим счетом. Я тогда очень расстроился, перелез через чей-то забор, упал в лопухи и слушал с горечью, как они играют и смеются. И, лежа так, глядя в небо на бегущие облака, я твердо решил, что пусть уж лучше девочки меня добиваются, а я их больше не буду.

* * *

Мой брат стал частым гостем на площадке, где рос огромный дуб и жила девочка с волосатыми руками. Между ними явно возникли романтические отношения – они могли часами стоять друг напротив друга и говорить о всякой чепухе. Я немного ревновал к ней брата, потому что если раньше мы сутки напролет были с ним неразлучны, то теперь он только и думал о том, как бы с ней встретиться. Я ничем не мог его выманить от нее, ни шоколадом, ни мармеладом, ни предложениями заманчивых путешествий, ни книжками с картинками. Хотя, по правде, никакого шоколада, конечно, не было, это я так, в переносном смысле, и никаких путешествий тоже. Разве что путешествие на великах в соседнее Болшево за пивом.

Гуляли они по всему поселку, нередко хаживали и в березовую рощу, где над обрывом в укромной тени стояла скамейка. Со скамейки открывался вид на реку, чудесный особенно вечером, когда закат ложился багряной пеленой на водную гладь и окрашивал белых лебедей в розовый цвет.

Они сидели там, на этой скамейке, и беседовали влюбленно. Но, надо сказать, что девочка с волосатыми руками была той еще сукой. Помимо моего брата, был у нее другой ухажер – юный алкоголик и наркоман с маниакально-депрессивным психозом. Он ее шантажировал, что если она не будет с ним встречаться, то он покончит с собой. Она все это рассказала моему брату и сообщила, что не может допустить смерти человека. Поэтому этот алкоголик и наркоман приезжал к ней в гости, жил у нее, гулял с ней и все такое. А мой брат с темным чувством в сердце наблюдал это и молился, прося всевышнего дать ему терпения и смирения. И, что интересно, всевышний его услышал.

* * *

Находясь в гостях у соседки, сидя с ней на веранде и предаваясь всяким беседам, я все время сомневался – правильно ли я делаю, что сижу здесь, или же я на самом деле смущаю ее своим присутствием, она тяготится, но стесняется мне об этом сказать? И вот вместо того, чтобы наслаждаться нашим уединением, вместо уверенного осознания того, что она в меня влюблена и поэтому рада каждой секунде, проведенной со мной, я страдал от мучительных размышлений. Я чувствовал себя ужасно неловко и неуклюже и в конце концов говорил: «Если ты считаешь, что мне пора домой, то дай мне об этом знать!» А она мне отвечала: «Вань, ну ты что, совсем, что ли, дурак, как я могу так считать?!»

* * *

Муж моей соседки был на удивление лихой человек. Как говорится, старой закалки, не то что мы с братом. Он воспитывался на других ценностях, когда превыше всего в юноше ценились доблесть, бесстрашие и дух соревнований. Если наше детство прошло среди книг, мам и бабушек, то его – среди драк, отчаянных поступков и лошадей. Между эпохами, разделявшими и воспитавшими нас, была такая же разница, как между Возрождением и Просвещением. Хотя нет, я сейчас подумал, что это слишком уж натянутое сравнение, такой разницы, конечно, не было. Но было то, что романтические идеалы его времени сменились холодным рационализмом и буржуазностью нашего.

И вот однажды я стал свидетелем былой отчаянности моего соседа. В тот день мы отдыхали на пляже у Плотины. Шел уже третий год нашего знакомства, и я, несмотря на нашу дружбу, стал воспринимать его как никчемного алкоголика с серьезными психическими отклонениями.

Он сидел на траве, а мы с братом прыгали в бурлящую воду с небольшого возвышения у края плотины – что называется, солдатиком, и очень этим гордились, полагая, что делаем нечто сложное, заслуживающее удивления и восхищения. Долго глядел на это сосед, молча и равнодушно – я думал, что он завидует нашему мастерству. Но вдруг он встал и направился к плотине. Ни слова не говоря, он взобрался на самый ее верх, возвышающийся на несколько метров над водой, и прошел по узкой железной перекладине до края. Люди с любопытством глядели на него, оставив свои дела, и думали: что такое затеял этот худой черт, завсегдатай злачных мест в Бурково, Болшево и Загорянке, полночный велосипедист до магазина и обратно? Постояв так с полминуты, он слегка согнулся, затем резко оттолкнулся и ласточкой взлетел к небу, описал дугу

и плавно, почти беззвучно вошел в воду – у самого бетонного основания плотины. Если бы он приводнился чуть ближе, то верно разбился бы насмерть. Весь пляж затих и обратил на него восхищенные взоры. И мы братом тоже замерли и, открыв рты, смотрели, как он, мокрый герой, вылезает на берег.

* * *

Всегда, когда мы собирались большой компанией, мне казалось, что она не обращает на меня должного внимания. Большая компания – это она, ее муж, мы с братом и еще ее подруга. Конечно, на самом деле компания не так уж и велика, но любые посторонние, которые мешали нашему с ней интимному общению, казались мне большой и совершенно лишней компанией. И вот едва такая компания собиралась, я сразу начинал нервничать и беситься, потому что она, по моему мнению, переставала уделять мне внимание.

Так оно, в общем-то, и было, потому что не могла же замужняя женщина при живом муже и других людях открыто кокетничать и влюбленно на меня смотреть. Тем не менее, понимая все это, я страшно был недоволен, что она не смотрит на меня влюбленно и не кокетничает. Тогда мне начинало казаться, что я ей больше не интересен и прошла любовь. От таких мыслей я становился мрачнее тучи. Хотя это совершенно дурацкое сравнение, про тучу, принятое в классической литературе. Мрачность туч лично на меня, например, всегда производила очень приятное впечатление. Мне нравятся грозовые тучи и тьма, которую они нагоняют, – мне кажется, нет ничего веселее и радостнее на свете. Поэтому, скажем так, я становился мрачен, как ночь, но не как обычная приятная и свежая ночь, а как зимняя, холодная и с ледяным дождем. Лицо мое чернело, глаза стекленели и рот замолкал – я был рядом с ними как статуя или мумия, а не как живой человек. Думаю, никто не понимал, что со мной происходило и почему, но наверняка всех угнетало мое настроение. Это всегда так – если рядом человек с мрачной недовольной рожей (особенно если этот человек близкий и родной), всем становится тягостно от его присутствия.

* * *

Что такое любовь? Этим вопросом не раз я задавался, сидя за столом под могучей березой напротив дома соседки. Я сидел там целыми днями с книгой, но смотрел не столько в книгу, сколько в сторону ее крыльца, надеясь на что-то не совсем определенное. Хотя вполне определенное – я надеялся, что она выйдет и заметит меня. Но что с того? Какие я получал от этого бонусы? Никаких. Она выходила, замечала меня и шла дальше. Но не сидеть там и не ждать ее явления я не мог.

И вот, сидя там с книгой под сенью березы, в зной и в прохладу, при свете дня и во тьме ночи, сдружившись с десятками всяких насекомых, я размышлял о природе любви. На меня медленным дождем падала какая-то труха, и белый разворот книги, подолгу раскрытый на одной странице, покрывался желтыми листиками, сосновыми иголками, микроскопическими увядшими цветочками, а я сидел, сгорбившись, и предавался горестным мыслям. Горестным – потому что ничего радостного в этой нашей любви я не видел. Да, были краткие мгновения радости, которые дарили нам первые минуты встреч, но все остальное – мучительное томление и ожидание неизвестно чего. Я часто ловил себя на том, что каждую минуту, даже каждую секунду думаю о ней. То есть она жила в моем сознании постоянно, с утра до ночи – едва я просыпался и до тех пор, пока не засыпал. Чем бы я ни занимался, о чем бы ни думал, она незримо присутствовала, от ее присутствия я никакими средствами не мог избавиться, она главенствовала во всех моих делах и развлечениях. Это было как тяжелая психическая болезнь – как навязчивая идея, от которой невозможно отделаться. Ничто не могло дать мне удовлетворение, доставить радость – потому что она мрачной тенью всегда нависала надо мной, закрывая солнце. Так что периоды сна я воспринимал как спасение. Во сне я мог забыться, наконец, расслабиться и отдохнуть от навязчивых мыслей. Но едва я просыпался, как начиналось все то же самое.

* * *

Я всегда хотел показать себя соседке с лучшей стороны. Но у меня, как и у многих молодых людей, были очень своеобразные представления о том, какая сторона лучшая. Мне казалось, что соседка не совсем отдает себе отчет, какой я классный и обворожительный, и поэтому я считал необходимым донести до нее эту информацию любыми способами.

Как-то мы с братом нашли на даче в шкафу шторы, совсем новые, небесно-голубого цвета. Нам показалось, что они очень красивы и их нужно использовать на манер римских тог. Мы разделись и намо-

тали на себя шторы. В таком виде мы отправились гулять по поселку.

Я в этой прогулке преследовал вполне определенную цель – не эпатировать публику, а показаться на глаза соседке. Отчего-то мне казалось, что она будет потрясена. Мы бродили довольно долго и замерзли, потому что было холодно, а шторы оказались недостаточно толстыми. Я уже потерял надежду на встречу с моей любовью, как вдруг заметил ее в конце улицы. Она шла с мамой под руку в нашем направлении. «О, Святослав, – сказал я брату взволнованно, – соберись, это она!» Мы тотчас распрямились, сделали нужные лица, запахнулись получше, вскинули подбородки и нахмурили брови. Эдакими мраморными статуями, надменными красавцами, римскими полубогами прошествовали мы ей навстречу. Она же, когда мы с ней поравнялись, даже не поздоровалась, но густо покраснела, вцепилась в маму и быстро потащила ее прочь.

* * *

А мы, конечно, старались произвести впечатление на прекрасный пол, причем желательно неизгладимое. А чем можно нравиться девушкам? Конечно, силой ума, благородством, мужеством, щедростью, изысканностью и духовной красою. Но меньше всего нас как раз интересовала духовная сторона дела.

* * *

Вообще мы общались только летом, ну еще немного осенью, а зимой и весной нет. Осенью соседка приезжала с подругой по воскресеньям, чтобы погулять на природе, подышать свежим воздухом, отдохнуть от рабочей обстановки. Хотя все это, конечно, неправда, потому что какая там была природа и обстановка на даче в октябре-ноябре?.. Холод собачий, дождь, ветер промозглый, дикие злые собаки, вконец озверевшие от голода кошки и все такое. Поэтому приезжала она (это я понял только сейчас, спустя много лет) исключительно для того, чтобы встретиться со мной. Чтобы просто хотя бы увидеть меня – об ином она и не помышляла. И вот мы встречались, сидели, пили чай, болтали о том о сем. Вроде чего еще надо – встретились двое влюбленных, и надо радоваться.

Но нет, отчего-то мне было этого мало, и мое настроение планомерно портилось. В то время как брат пытался развлекать соседку с подругой, ходил колесом, делал сальто, стоял на руках, шутил, кривлялся, пел и танцевал, показывал стриптиз и рассказывал поучительные истории, я все мрачнел и мрачнел, пока не превращался в черную грозовую тучу. Они все хохотали, сгибались в три погибели, веселились до слез, мне же было ох как не смешно, и я сидел с каменным выражением лица, как будто только что потерял самого близкого человека. Почему же? – спросите вы. – Что у тебя было с лицом? Ты проглотил жабу? Нет. Просто, как я уже рассказывал, я обижался на нее. Обижался, что она веселится, вместо того чтобы обращать внимание на меня. Мне казалось, что она слишком уж обделяет меня своим вниманием, не смотрит на меня влюбленно, не прикасается ко мне, не томится по мне и не вожделеет моей любви. В общем, я начинал подозревать, что она ко мне равнодушна и любовь прошла. А вот, интересно, что думала она, глядя на такое мое состояние? Даже и не знаю. Может, то же самое, что я про нее, или наоборот, все понимала и наслаждалась моими мучениями.

* * *

Странно, но дорогу к сердцу своей соседки я искал через ее мужа. Можно даже сказать, что через его желудок, так как для того, чтобы быть с ней рядом, мне приходилось с ним все время пить. Он почти не признавал иных развлечений. Я же шел таким путем, потому что был очень застенчив и не умел общаться с девушками. «Как? – думал я в смятении. – Как я могу вот так вот запросто подойти к ней и заговорить? О, это невозможно, это выше моих сил, это нечто немыслимое!»

– Эй! – кричал я ему, повиснув на крыше сарая. – Эй?

Он, заметив меня, задумчиво кивал. Лицо у него было всегда одинаковое – интеллигентное и задумчивое.

Я бежал в магазин, брал водку и приходил к ним. Мы устраивались на веранде за круглым столом. В плетеном кресле под настенным светильником хозяин, напротив на стуле я. А когда она заходила на веранду, я от смущения делал вид, что не замечаю ее, и даже не здоровался, продолжая разговор с ее мужем, как будто и явился только для того, чтобы пообщаться с ним. И только когда она говорила «Вань, привет», я обращал на нее внимание с нарочитым изумлением, вроде «а, и ты здесь?».

И вот мы сидели, а день превращался в вечер и сад погружался в сумерки…

Странная вещь – время. Оно выражается в том, что все заканчивается. Что бы ни происходило, ты

с самого начала можешь знать, что это закончится. Непонятно только, закончится ли когда-нибудь само время. И вот я сидел в красных сумерках, курил и жалел о том, что день так быстро проходит. Соседка сидела совсем рядом, касаясь меня коленкой, была здесь, но я чувствовал, что с каждым мгновением она словно исчезает, тает во времени, и удержать ее невозможно.

* * *

Наши дни тянулись уныло и однообразно. Это и не удивительно, ведь мы ничем не занимались. Мы не занимались, например, спортом, не играли на музыкальных инструментах, не ходили ни в какие кружки рисования. Шахматы гнили в углу, объеденные крысами, на ружьях сушилось белье, на клюшках для гольфа жарили шашлык. В общем, делать нам было совершенно нечего.

Наше существование выглядело бесцельным, как у растений в саду. Хотя вот не уверен про растения, подозреваю, что у них-то как раз были цели, в отличие от нас. Гречиха, сирень, береза, одуванчики, васильки, львиный зев и сотни других растений все-таки росли, для чего-то каждый день они тянулись к солнцу, быть может, сами не зная для чего, но все же участвуя в каком-то глобальном эволюционном плане. А вот мы, похоже, нет – не участвовали. Нам казалось, что мы ошибка природы. И уже в отрочестве осознав бесцельность и бессмысленность нашего существования, не найдя себе никакого разумного применения, мы впали в бездонную и бесконечную хандру. Забросив единственное развлечение, что у нас было – книги и карты, – мы с остервенением принялись пить, курить и валяться в беспамятстве где придется. Мир стал для нас тусклым, нигде не брезжил рассвет, мы не знали, чем заняться, и все занятия тоже не хотели нами заниматься.

И вот тогда-то, когда вроде бы свет совсем уже померк, ко мне вдруг пришла влюбленность в лице моей соседки. И надо же, как ни странно, жизнь вновь обрела для меня смысл, внезапно появилась цель, и место в плане эволюции мне вновь нашлось. Рассвет забрезжил вдалеке, и теперь я смотрел вперед не как раньше, а с надеждой на светлое и счастливое завтра. И хотя это завтра, в общем-то, было иллюзией, потому что на самом деле его нет, а есть сегодня, тем не менее я тогда понял, что любовь способна дать силы и поднять отчаявшихся с колен. Пускай это иллюзия и обман, но каким же осмысленным и полнокровным начинает казаться мир.

* * *

Когда я понял, что прошла любовь? Когда однажды, проснувшись с утра, я открыл глаза и увидел, что мир стал другой. Не то чтобы я увидел нечто иное вокруг и за окном, какие-нибудь там красоты, розовые восходы, райских птиц и все такое. Нет, увидел я все то же самое – облупленный белый проем окна с никогда не мытыми стеклами, древнюю паутину и всяких насекомых, запутавшихся в ней, когда я еще, наверное, не родился, стены с рваными останками пожелтевших обоев, лакированный круглый стол с банкой для окурков и два стула перед ним. С потолка свисали бумаги с поучениями и размышлениями из «Дао дэ цзин» и «Книги перемен». То есть я увидел свою привычную обитель, но точка зрения моя как бы сместилась. Я вдруг увидел все это в новом свете, я понял, что все эти вещи лишились какой-то присущей им черты, что джунгли снаружи уже иначе зеленеют и даже воздух стал другой. Поразмыслив над этим, я обнаружил, что забыл с утра подумать о соседке – как это было каждое утро в последние три года, едва я просыпался. Да, я совершенно забыл о ней. И если раньше весь мир был пропитан нею, то теперь эта пропитка испарилась, и он стал другим. Даже не знаю, обрадовался ли я тогда. С одной стороны, я испытал огромное облегчение, потому что почувствовал себя наконец свободным. С другой стороны, меня охватила странная глубокая печаль. Впрочем, тоже приятная.

Ну, вот и все, что я хотел рассказать. Глупая, в общем, вышла история.